

Л. Б. Бойко

К ВОПРОСУ О РОЛИ АНТРОПОНИМА В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Рассматриваются отдельные аспекты функционирования антропонима в русской и англоязычной лингвокультурах. Особое внимание уделяется факторам, которые определяют роль личного имени человека в формировании национальной картины мира и культурной идентичности индивида.

The article deals with the functioning of personal names in Russian and English cultural contexts. The focus is placed on the factors determining the role of the anthroponym in the formation of the national world view and the individual's cultural identity.

Ключевые слова: антропоним, картина мира, идентичность, культура.

Key words: anthroponym, world view, identity, culture.

Несмотря на обширность уже проведенных исследований в антропонимике, внимание лингвистов к личному имени человека не ослабевает на протяжении многих десятилетий. Непреходящую популярность этой области лингвистики можно объяснить, с одной стороны, значимостью антропонима как составляющей культурной идентичности индивида и нации, а с другой — интересом к совмещению картин мира в межкультурной коммуникации. В настоящей статье будет предпринята попытка представить антропоним как объект лингвокультурного анализа. С помощью метода дескриптивно-аналитического описания можно рассмотреть как некоторые функции антропонимов, так и условия их реализации в контексте конкретно взятых культур.

О личном имени и его носителе

Имя человека — неотъемлемая составляющая его бытия. Представляя члена социума, антропоним концептуализируется через характеристики и оценки, свойственные человеку, — оно может быть добрым и честным; имя способно выступать эквивалентом награды или другой материальной ценности: его можно как сделать (в английском языке — *to be worthy of one's name; one can make a name for him / herself*), так и замарать (*one's name is mud*).

14

Нет, пожалуй, человека, которому безразлично собственное имя. На свое имя мы реагируем так же, как на звук родной речи в иноязычном окружении — почти инстинктивно. Трудно представить себе, чтобы человек не исправил того, кто по ошибке назвал его чужим именем («О, там ты не путаешь имя мое!» — А. Ахматова). Чувствительность к звучанию (и написанию) собственного имени — еще одно подтверждение того, что оно неотъемлемая составляющая сложного целого — языковой личности. Те, кому досталась труднопроизносимая фамилия, всегда остро реагируют на ее искажение (автору статьи доводилось встречать людей, которые на письме в своей фамилии неизменно проставляли ударение). Особая роль имени в самосознании индивида ставит непростые задачи и перед переводчиками. Известен случай многолетнего разбирательства в Европейском суде по иску работавшего в Германии гражданина Греции — Кростоса Константиноидиса, которого не устраивало звучание имени в предложенной в соответствии со стандартом транслитерации.

Как языковая личность человек осознает и идентифицирует себя посредством личного имени. Г. И. Берестнев рассматривает внутреннее выделение себя из окружающего мира как когнитивный акт, в котором имя индивида выступает одним из факторов реализации его самосознания [1, с. 38]. Подтверждением этому суждению может служить в том числе и тот факт, что способность назвать свое имя является главным признаком здравого сознания. Человек, не помнящий, утративший или изменивший свое имя, выпадает из контекста бытия и общественной жизни. В народе говорят: «В лицо человек сам себя не признает, а имя свое знает»; «С именем — Иван, а без имени — болван»; «Без имени ребенок — чертенок». То, как упоенный весенним чувством человек перестает осознавать собственное «я», выразил Пастернак: «В эти дни теряешь имя, / Толпы лиц сбивают с ног».

Изначально присущая антропониму функция номинации, подробно описанная в обширнейшей литературе по ономастике, кажется очевидной. В реализации номинативной и вокативной функций личное имя во многом подобно имени нарицательному, однако в некотором роде антропоним как класс лексем уникален. Так, антропоним, с одной стороны, выступает в роли «этикетки», имея денотат, но не имея сигнификата, а с другой — он «обрастает» семантикой и коннотациями в употреблении [4; 5].

О культурном контексте антропонимической картины мира

В отличие от имени нарицательного, антропоним нельзя просто избобрести по законам словообразования конкретного языка, то есть теоретически можно, соблюдая законы фонологии и морфологии, но для того чтобы стать именем личным, в большинстве культур слово должно получить статус онима. Ю. А. Рылов напоминает, что «стоять на страже» процесса присвоения имени человеку призваны многие регулирующие органы государства – от ЗАГСа или ему подобных в других странах институтов до церкви [5, с. 10–11]. Тех, кто пожелал выделить свое чадо среди других людей при помощи экзотического имени, может остановить закон. Английская «Daily Mail» от 22 июня 2011 г. опубликовала статью «New Zealand bans families from calling their baby ‘Lucifer’ and ‘Adolf Hitler’» [11]. В ней сообщается о принятых в разных странах запретах на упомянутые в заглавии и многие другие нестандартные имена. Так, в Швеции запретили называть ребенка Аллахом, а другого Brfxxccxhnpccclllmmnprxvclmncckssqllbb11116, но имена Google и Lego преодолели препоны закона.

15

Надо заметить, что, несмотря на гипотетическую возможность избобрести абсолютно любое имя, такие антропонимы все равно в подавляющем большинстве своем остаются за пределами культурной парадигмы конкретного социума, который предпочитает адекватные имена. Так, в английский свод антропонимов вошли в свое время такие имена латинского происхождения, как, например, Virginia, Prudence, Patience, в которых соответственно читаются значения девственной чистоты, благоразумия, терпения; были онимизированы названия драгоценных камней (Jade, Beril, Crystal) и некоторых месяцев (April, May). Тем не менее многие из имен такого рода со временем утратили популярность или вовсе вышли из употребления¹ по причине изменения настроений общества. Еще более показательны примеры искусственно созданных русских антропонимов времен становления советской власти. Если пресловутые и действительно единичные Даздраперма (Да здравствует Первое мая) или Персострат (Первый советский стратостат) по понятным причинам почти сразу покинули русский ономастикон, то имена Вилен, Вилор, Владлен и прочие акронимы от Владимира Ильича Ленина, Октябрина (от Октябрьской революции) получили – хотя и ограниченное – распространение в первой трети XX в.

Таким образом, формирование антропонимической картины мира во многом определяется социальными процессами. Отражением социальных процессов является мода на личные имена. По мнению С. Пинкера, она имеет свои тенденции: выбор имен определенной этимологии (имена латинского, греческого, кельтского, англосаксонского происхождения), имен, образованных от названий драгоценных камней или месяцев года; сейчас популярно давать детям имена известных людей². Сегодня в Америке наблюдается возрождение моды на библей-

¹ См. статистику на сайте: <http://heraldry.sca.org/laurel/names/eng16/eng16.html>

² Автору известен случай, когда русского мальчика назвали Сильвестром в честь Сталлоне.

ские имена, но, как выясняется, вовсе не по причине возвращения людей к вере [10, с. 279–322].

В начале прошлого века Evelyn, Leslie, Robin были именами для мальчиков, но как только их стали давать девочкам, мальчиков перестали называть этими именами или они стали менее употребимыми. Лишенный гендерных формантов английский язык «безразличен» к делению по родам в классе антропонимов. (Как известно, у апеллятивной лексики в английском языке есть определенный ресурс гендерно-различительных средств.) Характерно, что в русском языке морфологический признак неизбежно укажет на пол носителя имени, а вот в английском может случиться путаница³. Русский язык проводит четкую границу между мужским и женским родом даже в общих для обоих полов именах (Александр — Александра): мужское окончание в полной форме женского имени невозможно, как недопустимо и обратное⁴.

Благодаря хорошо прослеживаемым модным тенденциям, имя способно идентифицировать личность по возрастному параметру. По свидетельству С. Пинкера, «[m]ost American readers, knowing nothing else about a man other than his name is Murray, would guess that he is over sixty, middle-class, and probably Jewish» [10, с. 13]. Автор пишет, как легко может определить возраст женщины: Edna, Ethel, Bertha — это пожилые женщины; Susan, Nancy, Debra — стареющие дамы из генерации бэби-бумеров; Jenifer, Amanda, Heather — этим будет за тридцать, а Isabella, Madison, Olivia — явно еще девочки. Кстати, мужские имена более устойчивы к моде, поэтому во все времена можно встретить как мальчиков, так и стариков с именами Robert, David, Michael, John, James [10, с. 312].

Имя — несомненный маркер исторической эпохи и социального уклада общества. Агата Кристи в своей автобиографии вспоминает, что в Викторианскую эпоху служанки в господском доме не должны были носить вычурные имена, а если это случалось, в доме им давали имена простые, такие, как Кейт или Мэри. Очевидно, что в современном обществе подобное насилие над личностью немислимо. В наше время процессы демократизации во всех сферах жизни сказываются и на описываемом классе лексики. Тенденция настоящего времени — демократизация имени, которая может проявляться в употреблении уменьшительных форм антропонима в публичном дискурсе [2]. Раньше нашей страной руководил Леонид (обязательно!) Ильич Брежнев; теперь мы привыкаем к тому, что первые лица государства могут именоваться Владимир Путин и Дмитрий Медведев безо всякого ущерба для имиджа президента или премьера. Более демократичное видение мира, к

³ Заслуживает внимания связанная с этим системным различием сложность перевода. Примером может послужить один из ключевых эпизодов романа Д. Лоджа «Хорошая работа» («Nice Work»). В нем вокруг имени Robin строится завязка: менеджер предприятия, прочитав в бумагах имя будущего стажера, не ожидает увидеть за привычным для британца мужским именем (в орфографии Robyn) девушку — отсюда и начинается любовная интрига.

⁴ Легко понять, однако, почему для гипокористических имен возможны окончания как по женскому роду, так и по мужскому для обоих гендеров.

которому мы пытаемся привыкнуть, не позволяет, однако, языковому сообществу «отпустить вожжи» в формах обращения. В контексте русской культуры с ее разветвленной иерархией статусных отношений использование кратких гипокористических форм в обращении к руководителям, как в англоязычных странах – Nick Clegg, Tony Blair, Bill Clinton, будет считаться верхом фамильярности.

Личные имена как маркеры национальной идентичности заслуживают отдельного рассмотрения, более подробного, чем позволяют рамки одной статьи. Отметим только важность и неоднозначность этого параметра в культурной функции антропонима. Имя – это главная «одежка», по которой нас встречают. Стоит только вспомнить диалог из старого анекдота о еврее, который пришел в отдел кадров устраиваться на работу: «Я дизайнер. – Да уж вижу, что не Иванов». Хочется, однако, особо подчеркнуть, что даже Великобритания и Америка – «две страны, разделенные общим языком», – иногда категорически не совпадают в своих антропонимических пристрастиях, судя по взгляду «изнутри», изложенному J. Walmsley: «Yanks are never, ever called: Nigel, Neville, Trevor, Miranda, Tristram... Brits are never, ever called: Murray, Seymour, Ashley, Candy, Shannon, Babe... In America these are girls' names: Robin, Jamie, Adrienne, Laurie, Leslie. In Britain – boys'. Randy (Randolph) for Brits it's 'sex-crazed'» [12, с. 60].

Таким образом, антропоним живет в контексте конкретной культуры своей жизнью, подчиняясь правилам национального языка и чутко реагируя на динамику развития социума. Имя представляет собой тот кусочек мозаики из национальной картины мира, без которого она не только была бы неполной, но и невозможной. Даже фактическое отсутствие личного имени в культурной парадигме социума (об этом ниже) не отменяет этого вывода.

О парадоксах индивидуализирующей функции антропонима

Кажется очевидным, что имя дается человеку для того, чтобы отличать его от других. Разнообразие имен, по мнению исследователей, свидетельствует о стремлении народа подчеркнуть индивидуальность каждого человека. Трудно поставить под сомнение этот тезис, учитывая вышеизложенное и просто наблюдения за тем, как старательно родители подходят к выбору имени ребенка. Но так ли однозначен этот вывод?

В подавляющем большинстве близких нам культур личные имена «черпаются» из лимитированного национального ономастикона, а также антропонимического пула активно взаимодействующих культур народов, относящихся к одной языковой семье. Очевидно, что основная часть считающихся русскими личных имен заимствована из греческого, латыни и других европейских языков, но точно не из китайского или японского.

Учитывая ограниченный круг имеющихся в распоряжении носителей конкретной культуры личных имен, приходится согласиться с К. Бромбергером, что индивидуализирующая функция имени оказы-

вается весьма ослабленной [8]. В русском языке большая степень индивидуализации обеспечивается комбинацией трех компонентов — имени, отчества и фамилии, однако и это не исключает совпадений, то есть полной антропонимической омонимии⁵.

Надо признать, что само существование личного имени все же не абсолютно универсальный феномен, точнее говоря, антропоним по-разному реализует свои культурные функции. Необходимость выделения индивида среди других «соперничает» в некоторых (например, восточных) культурах со стремлением, напротив, не эксплицитировать свою культурную идентификацию. Так, по свидетельству К. Гирца, на Бали личные имена используются крайне редко. Имя — это очень личное. К старости бывает, что только сам человек (и его близкие) знает свое имя, в основном личное имя употребляется только по отношению к детям. Детей называют в порядке появления на свет: первый — Wayan, второй — Njoman, третий — Made, четвертый — Ktut, а пятый — опять Wayan и т.д. Предполагается, что в таком обычае отражается цикличность жизни — физически люди приходят и уходят, а социально остаются прежними. Кроме того, на Бали не существует национального ономастикона, и имена простых людей представляют собой произвольный набор слогов при соблюдении главного принципа — избегать повторения, зато люди знатного происхождения имеют имена звучные, такие, как Доблестный воин или Смелый ученый [9, с. 369–371].

Надо заметить, что такое «стирание личности» было характерно и для европейских культур, однако в нем к тому же явно прослеживался гендерный фактор именования. Так, в Древнем Риме мужчины (не рабы!) имели разные имена, женщины же все назывались одинаково, по имени рода (например, Октавия), различаясь только по старшинству (Старшая и Младшая) или порядковым номером: Прима, Секунда, Терция и т.д. [6, с. 24]. Особняком стоят имена царственных особ, которые довольствовались нумерацией как отличительным признаком, лишь бы не отойти от традиции, принципов наследования и остаться при подобающем имени.

В подтверждение того, что личное имя является главным внешним атрибутом самосознания индивида, напомним многочисленные факты насильственного лишения человека имени. Так, известно, что в концлагерях заключенным присваивались номера; при режиме Пол Пота в Кампучии личные имена лидеров заменялись на псевдоимена Старший брат 1, 2 и т.д.

Скрывая свое имя или изменяя его, можно оградить себя от нежелательных попыток окружающих вмешаться в вашу жизнь: «Зовут зовуткой, величают уткой», — говорит русская поговорка, то есть «имени своего не скажу, а значит, и как личность я для тебя недосягаем». Стоит

⁵ Автор настоящей статьи училась в группе с двумя Иринами Геннадьевнами Кудрявцевыми. Преподавателям приходилось находить способ отличать их в списке, добавляя характеризующую деталь к имени или закрепляя за ними разные его варианты (на занятиях по английскому языку одна звалась Irene, а другая — Iris).

вспомнить хотя бы недавнее прошлое, когда в Советском Союзе евреи вынуждены были брать русские имена и фамилии, дабы, если не избежать притеснений, то хотя бы минимизировать их.

Во многих культурах новорожденному ребенку не дают имени до истечения какого-то срока или, например, до отпадания пуповины. Тем самым ребенка как бы не принимают в мир людей, одновременно ограждая от воздействия злых сил: если человека нельзя позвать, то нельзя на него и повлиять. Подобная философия лежит и в основе традиции менять имя. Так, у эскимосов после неудачной охоты человек может взять другое имя: со сменой имени якобы меняется его сущность, а значит, в следующий раз на охоту выйдет другой человек.

Насильственные попытки уничтожения личности со стороны властей или в соответствии с общественными устоями, равно как и добровольные методы «растворения» собственного «я» среди других и перед лицом высших сил, реализуются путем лишения индивида его главного признака как социального существа — его личного имени. Следовательно, как наличие, так и видимое отсутствие антропонимического фактора в системе культуры лишь подтверждает его значимость.

Антропоним в свете оппозиции «свой — чужой»

По всему очевидно, что функционирование личного имени как культурного идентификатора нельзя рассматривать однопланово. Еще раз зададимся вопросом: если антропоним предназначен для различения индивидов, то почему на всех этапах жизни у человека другое имя?

Тем, кто знаком с англоязычной культурой, наверняка приходилось учить детский стишок: Elizabeth, Elspeth, Betsy and Bess, / They all went together to seek a bird's nest, / They found a bird's nest with five eggs in, / They all took one and left four in. Действительно, у большинства людей есть несколько вариантов личного имени. Одно имя может быть припасено только для «своих», другие предназначены для «чужих». Так называемое домашнее имя нередко бывает «детским» (из несовершенного лексикона самого ребенка) или ласковым, уменьшительным, которым ребенка звали в семье старшие; это может быть и имя, изобретенное возлюбленным(ой). Таким антропонимам непозволительно выходить за пределы очень узкого круга людей, «наделенных полномочиями» прибегать к нему. Путать «интимные» и «публичные» антропонимы не рекомендуется, особенно в сторону интимизации — это сигнал нарушения границы «свой — чужой». Приглашение называть по имени во многих культурах расценивается как принятие в круг «своих». В недавно опубликованных воспоминаниях о всеми любимом актере Зиновии Гердте читаем: «С годами Вани, Ванюши, Ванечки становятся Иванами, Иванами Петровичами. Зяма оставался Зямой. Нет, конечно, к нему обращались по отчеству, называли Зиновием Ефимовичем люди официальные и малознакомые. Для тех, кто его знал, он был как был, так и остался Зямой. Это не было просто привычкой, это было проявлением особой, почти интимной формы его восприятия. Зрители знали его как Зиновия Гердта, но и они частенько с любовью обращались к нему по

имени. Он этим гордился. Однажды сказал: "Самое большое из всего, чего я добился, это то, что зрители называют меня Зямой"» [3, с. 8].

Разграничение коммуникантов по их праву использовать один из вариантов вашего имени — это скорее правило, чем исключение. Несанкционированное нарушение интимного, «семейного» пространства может быть рассмотрено как посягательство на личное пространство. Маркирование границы между «своими» и «чужими» еще одна функция личного имени.

Заключение

20

Как и весь живой язык, класс антропонимов испытывает воздействие всех социальных изменений. Системы антропонимов выступают как маркеры времени, социальных процессов, культурной и личностной идентичности. Антропоним можно считать одним из главных признаков индивида как социального существа. Значимость антропонимического фактора в системе культуры подтверждается его участием в разрешении дихотомии «свой — чужой». Особенность функционирования антропонима в языке и культуре определяется в первую очередь его природой как знака, лишённого сигнификата. Личное имя как класс лексем уникально еще и потому, что черпается из ограниченного и регулируемого ресурса.

Антропонимы заслуживают гораздо более подробного рассмотрения в лингвокультурном аспекте, чем может предложить данная статья, но даже проведенный анализ со всей очевидностью свидетельствуют об особенностях мировидения в каждой конкретно взятой культуре и путях формирования картины мира и идентичности нации и индивида.

Список литературы

1. Берестнев Г. И. Слово, язык и за их пределами. Калининград, 2007.
2. Бойко Л. Б. Антропоним как объект герменевтического толкования при переводе художественного текста // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. Калининград, 1999. С. 27–32.
3. Зяма — это же Гердт! / сост. Я. Гройсман, Т. Правдина. URL: <http://www.litmir.net> (дата обращения: 01.12.2012).
4. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. М., 2006.
5. Рылов Ю. А., Корнева В. В., Шеминова Н. В. и др. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов. Воронеж, 2010.
6. Супранская А. В. Общая теория имени собственного. М., 2008.
7. Boyko L. Properly translated proper names: a step towards pragmatic equivalence // Language and ideology : selected papers from 6th International pragmatics conference. 1999. Vol. 2.
8. Bromberger C. Pour une analyse anthropologique des noms de personnes // Langages, 16e année, n° 66. Juin 82. Le Nom Propre. P. 103–124. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/Igge_0458726x_1982_num_16_66_1127. (дата обращения: 30.11.2012).
9. Geertz C. The interpretation of cultures. Fontana Press, 1993.
10. Pinker S. The stuff of thought. Penguin, 2008.

11. *Thornhill T.* New Zealand bans families from calling their baby 'Lucifer' and 'Adolf Hitler'. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2017670/New-Zealand-bans-Lucifer-Adolf-Hitler-baby-names.html> (дата обращения: 12.12.2012).

12. *Walmsley J.* Brit-Think, Ameri-Think. A Transatlantic Survival Guide. Revised edition. Penguin, 2003.

Об авторе

Бойко Людмила Борисовна – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: boyko14@gmail.com.

Author

Boyko Ludmila – PhD, Ass. Prof., I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: boyko14@gmail.com.